

П-СТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ПЕРМЬ

ЗОЛОТАЯ БАБА

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

Постэпидемия

Андрей Мартьянов

Золотая баба

«Acta Diurna»

2020

Мартьянов А.

Золотая баба / А. Мартьянов — «Acta Diurna»,
2020 — (Постэпидемия)

События рассказа А. Мартьянова происходят спустя два десятилетия после пандемии 2020 года, и раскрывают читателю некие загадочные обстоятельства, сопровождавшие добровольную самоизоляцию группы молодых людей, решивших спрятаться от вируса в тайге на среднем Урале.

© Мартьянов А., 2020

© Acta Diurna, 2020

Андрей Мартьянов Золотая баба

– Пожалуй, это была самая странная весна на моей памяти. Вы не поверите, но даже свет казался каким-то другим. Выйдешь на улицу, и солнце будто иначе светит. Видимо, чисто психологический эффект. Вы, конечно, не помните?

– Не помню, – послушно согласился я. – Весной двадцатого мне было пять с половиной лет. Единственное воспоминание – блины на даче у бабушки, куда нас отправили из города от греха подальше.

– Ребенок мыслит категориями удовольствий и запоминает в основном что-то приятное, доброе, – кивнул Владимир Леонидович. – С возрастом это меняется. В тогдашние пятьдесят два года моя память отложила именно что общую *странность* ситуации. Я с самого начала предполагал, что мы переживаем исторический момент, мечту любого историка – помните ведь Тютчева с его «минутами роковыми»? Правда, никакого блаженства ни я, ни друзья и коллеги, решительно не испытывали. Было очевидно, что со стремительностью невероятной – всего за месяц! – меняются эпохи, а неизвестное будущее всегда тревожит... Буквально за одно мгновение почти по всему миру схлопнулись сразу несколько важнейших отраслей: гражданская авиация, сфера обслуживания, туризм, общественное питание. Закрылись государственные границы, тогда считавшиеся понятием абстрактным, ненужным пережитком XX века!

– Да уж, – вздохнул я. – Картина малоприятная.

– Представляете себе на табло в аэропорту сплошные красные строчки? «Рейс отменён, отменён, отменён»? Думаете, было приятно наблюдать такое своими глазами в прямом эфире? Мы-то в итоге отделались лёгким испугом и уже к осени восстановили объёмы перевозок, а каково пришлось южной Европе, к примеру? Особенно регионам, где доходы от туризма являлись едва не основной статьёй дохода?..

Доктор Немкин, с которым я вёл беседу о событиях двадцатилетней давности, являл собой абсолютно неистребимый и вечный тип «многоучёного старичка в беретике». Убеждён, такие старички существовали даже в эпоху неандертальцев, они рассказывали и ненавязчиво поучали при фараонах и цезарях, в Средние века, при многочисленных Людовиках, до исторического материализма, при его расцвете и после оногo. Только фасоны беретиков менялись, причем я свято убежден, что старички носили их даже в палеолите.

Мы вдвоём неторопливо шли по длиннющему, скудно освещённому коридору, вполне подошедшему бы в качестве декораций для съёмок техногенного ужастика. Под потолком проложены трубы и кабели, мерцают синеватыми огоньками кодовые замки на редких дверях, тихо гудит вентиляция. Миниатюрные камеры наблюдения через каждые пятнадцать метров. В таком интерьере более чем органично смотрелась бы зубастая инопланетная кракозябра, желающая закусить представителем столичного журнала и музейным зрителем с научной степенью – то есть мною и Владимиром Леонидовичем.

Да-да, никакой ошибки: окрашенный казённой блекло-зелёной краской угрюмый коридор на глубине сотни с лишним метров вел в музей. Обитатели закрытых городов-«почтовых ящиков» ещё с полузабытых советских времён обожали увековечивать свою историю, собирая всевозможные артефакты – от трогательных фотографий и писем 50-х годов прошлого столетия, когда только начиналось строительство засекреченных спецобъектов, до образцов продукции, наподобие ядерных боеголовок или загадочных приборов, назначение которых простому смертному неведомо, и слава богу – меньше знаешь, крепче спишь.

Я наивно полагал, что музейчик «почтового ящика» Пермь-32 будет находиться при старинном доме культуры сталинского стиля, украшающем главную площадь затерянного в предуральской тайге чистенького городка. Однако, доктор Немкин уверенно повёл меня в подвал здания администрации и открыл библейских размеров стальную дверь со штурвальным замком. Уверен, этот притвор способен выдержать падение астероида размером с Эльбрус. Артефакт, наглядный памятник Холодной войне. В шахтный лифт-подъёмник, доставивший нас в недра под Пермью-32, без затруднений поместится взрослый африканский слон – и ещё место останется.

– Вы, кстати, первый из журналистов, кто здесь оказался, – нейтрально-заинтересованным тоном сказал смотритель. – Как вам удалось добыть разрешение?

– Я не журналист. У нас научно-популярное издание, курируемое Росэннергкосмосом, так что санкцию давали с самого верха: видимо, решили, что пора приоткрыть завесу над некоторыми... гм... обстоятельствами. В конце концов, именно здесь всё и началось.

– Не так чтобы конкретно здесь, – покачал головой Владимир Леонидович. – Это была довольно занятная история, мы вмешались лишь в финале. Слышали когда-нибудь о субкультуре «выживальщиков»?

– Впервые от вас.

– Реликт эпохи ядерного противостояния Советского Союза и США. В своё время довольно модное хобби, если этот термин вообще употребим по отношению к выживальщикам. Концепция была такова: к некоему глобальному катаклизму, будь то вооружённый конфликт между военными блоками или сверхдержавами, эпидемия, нашествие инопланетян и так далее, можно подготовиться. Возвести надёжное укрытие подальше от населённых мест. Создать запас продовольствия, средств связи, медикаментов и оружия. Освоить необходимые навыки – оказание первой помощи или, допустим, охоту на дикого зверя. И, едва грянет, уйти в лес.

– Бред какой-то, – я пожал плечами. – Остаток жизни сидеть в тайге, постепенно дичая?

– Вот видно, что вы из непуганого поколения! – рассмеялся доктор. – А ещё лет тридцать-сорок назад про выживальщиков писали фантастические романы и снимали кино в жанре постапокалипсиса! Романтика! Кругом бродят толпы озверелых зомби, а вы в обнимку с помповым ружьем противостоите новому враждебному миру... Минуточку, сейчас открою главный зал.

Немкин ввёл код, загудели приводы, отпирающие очередную супердверь. Свет зажёгся автоматически, скорее всего, сработали детекторы движения.

В целом да, это музей. Портреты суровых старцев со звёздами героев труда, военные в старинной советской форме, групповые фотографии, витрины с чьими-то орденами и наградными листами. Помещение немаленькое, метров триста квадратных. По полу почему-то проложены тонкие рельсы – вероятно, раньше зал использовался в целях сугубо утилитарных, для сборки или хранения «изделий» Перми-32, о предназначении которых к ночи лучше не думать...

– Вот она, знакомьтесь, – Владимир Леонидович эпическим жестом Стеньки Разина, кидаящего в набежавшую волну персиянскую царевну, указал на предмет моего интереса. – Правда, она не золотая, а в основном иридиевая, но какая, в сущности, разница? Нас ведь интересует не форма, а содержание, верно?..

* * *

– Теперь представьте! Если не всю жизнь, то по крайней мере много подряд лет вы готовились к некоей гипотетической чрезвычайной ситуации. Как убежденный выживальщик, втайне ждали, что однажды прямоком вам на голову рухнет комета или атомная бомба. Что вы встре-

тите во всеоружии стада мутантов или инопланетных чудищ! И тут вдруг мечты сбываются. Не буквально, конечно, поскольку врагом оказался крошечный вирус размером в сотню-две нанометров, а не клыкастая тварь откуда-нибудь с Сириуса. Однако, если нет гербовой бумаги, значит пишем на простой. Вирус тоже подойдёт для подтверждения эсхатологических теорий, пускай и по методу бузины в огороде.

– Неужели всё было настолько плохо? – озадачился я.

– Да бросьте, – поморщившись, отмахнулся Немкин. – Кое-где в провинции эпидемию двадцатого года даже не заметили, она прошла информационным фоном, не более. Под удар попали в основном крупные города, с большой плотностью населения. В Нью-Йорке были очень серьёзные проблемы – гипер-урбанизированный мегаполис, скученность. На нашей стороне, как всегда, оказались огромные пространства и расстояния. Попробуй занести заразу из Москвы куда-нибудь в Дудинку, особенно в условиях быстро и своевременно введённого карантина и радикального сокращения транспортных перевозок! Кстати, вы знакомы с термином «мобилизационная медицина»?

– Поясните?

– Очень просто. Руководство СССР, практически в полном составе прошедшее через войну, больше всего опасалось повторения 22 июня 1941 года, но уже в условиях ядерного века. Глобальный конфликт в те времена подразумевал массовые и одномоментные санитарные потери, отчего в постоянной готовности находилось огромное количество коек, аппаратуры, медикаментов. Разумеется, через неполные тридцать лет после распада СССР мобилизационная медицина стала неактуальной, но наследство-то осталось! У нас попросту оказалось больше ресурсов, чем у соседей! Кроме того, за пару лет до возникновения вируса в России запустили программу обновления медицины и, как раз, к началу эпидемии массово начали открывать новые больницы. Повезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.